

Радцева А.Ю.

Алтайский государственный университет.

Научный руководитель – В.В. Десятов, д.филол.н., проф.

ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ. «ИСТОРИОСОФСКИЙ ЦЕНТОН Т.КИБИРОВА

За последние сто лет в духовной жизни России произошло два серьёзных переворота: первый – после создания Советского Союза, заменившего православие атеизмом, второй – после распада СССР, когда страна потеряла всяческие культурные, ценностные ориентиры и встала лицом к лицу перед свободой выбора веры. В настоящее время в духовной культуре России много разнообразных течений: это и продолжение существования атеистического взгляда на мир, и обращение к мировым религиям, и возрождение древних культур, в частности, исконной славянской, и, конечно же, возвращение к православию, многие века до революции 1917 года воспитывавшему русского человека. Поиск себя, определение себя в мире, поиск мира, в котором человеку было бы комфортно, - всё это остро актуально сейчас, как и во все переходные эпохи. И люди искусства, рефлексирующие, отчаянно, упорно ищут в своих произведениях ответы на вечные вопросы о боге, о счастье, о правде и лжи, оглядываются назад, анализируют прошлое в надежде найти ответы там. Пример такого отчаянного, иступлённого поиска – стихотворение Тимура Кибирова «Историософский центон» из книги «Греко- и римско-кафолические песенки и потешки», где собраны его стихи в период с 1986 по 2008 год.

О чём нам говорит название? Что такое центон и в чём заключена первая особенность данного стихотворения? Центон – это жанр поэзии, стихотворение, которое целиком состоит из стихов и/или полустихий, принадлежащих одному или нескольким авторам. В данном центоне мы найдём цитаты из не менее семи авторов, о чём подробнее я расскажу далее. Кроме формы в названии дан и аспект, в рамках которого будет развиваться мысль автора – историософский. Иными словами, автор представит нам свою философию истории, своё истолкование исторических событий на метафизическом уровне.

За названием идёт эпиграф, цитата из произведения Твардовского «Ленин и печник»: «Эй ты, кто там ходит лугом!/Кто велел топтать покос?!». Эпиграф задаёт тему и настроение центона: это вопрос, взволнованный, голос напряжённый и от взвинченности (страха?) пытающийся казаться твёрдым, смелым. Кто-то невидимый и незванный портит труды человека, который пытается его разглядеть и прогнать. Таким вопросом, наболевшим, мучающим, до крика, и оказывается центон Кибирова.

В первом катрене мы встречаемся сразу с двумя поэтами: А. Блоком и Ф. Тютчевым. Первая и третья строчки («Всю тебя, земля родная, /...Исходил, благославляя») – дословные цитаты из стихотворения Ф. Тютчева «Эти бедные селенья...» 1855г. Вторая строка («В белом венчике из роз») – из поэмы «Двенадцать» А. Блока, а четвёртая («К сожаленью, не Христос») – недословно из его дневника, где он записал во время создания поэмы: «К сожалению, Хри-

стос». Кибиров не согласен с Блоком, по его мнению, Христос не может вести революцию, возглавлять кровопролитие. С Тютчевым он тоже не совсем единокорен, во втором катрене поэт соглашается с ним: да, Христос был на нашей многострадальной земле, но мы отвергли его: «Нет, Христос, конечно, тоже/Обходил и этот ад,/Но сумняшеся ничтоже/Мы сказали: «Не формат!/Чересчур уж Он распят!». А поскольку свято место пусто не бывает, на смену ему должен прийти кто-то другой. Об этом третий катрен. Сначала в нём продолжается насмешливая речь, мол, не устраивает нас христианский бог, которого Аполлон Григорьев назвал «сын толпы и демагог» (цитата – вторая строка). А кто же тогда устраивает? Кибиров отвечает: медный идол. (Третья строка – «И вознесся медный идол»). Медный идол – намёк на «Медного всадника» Пушкина, т.е. на Петра Первого. Он был первым грандиозным реформатором, перевернувшим Россию с ног на голову, насильно свернувшем её с её пути развития на путь Запада, отнявшим её традиции. То же сделали большевики, для которых Пётр Первый был примером. Кибиров противопоставляет Христа Петру Первому, превращая последнего в бездушную медную куклу, давая ему тем самым отрицательную оценку. Его (в том числе) он называет и русским богом (с маленькой буквы). Это уже отсылка к стихотворению П. Вяземского «Русский бог». У Вяземского это бог несчастья, страдания, несправедливости. Вот, например, одно четверостишие: «Бог голодных, бог холодных,/Нищих вдоль и поперек,/Бог имений недоходных,/Вот он, вот он, русский бог.» А также всего иноземного, чужеродного (как Пётр Первый): «Бог бродяжных иноземцев,/К нам зашедших за порог,/Бог в особенности немцев». Выражение «русский Бог» (с большой буквы) в XIX в. имело два значения: официальное, сакральное и ироническое. В ироническом значении оно применено и в десятой главе «Евгения Онегина» А.С. Пушкина: «Гроза двенадцатого года/Настала – кто тут нам помог?/Остервенение народа,/Барклай, зима иль русский Бог?». Более того, В.В. Виноградов отмечает в своей статье о пушкинском «русском божестве»: «крылатый афоризм русский Бог — в ироническом применении — был уже коллективной собственностью передового русского общества первой трети XIX века». Тем самым цитатой из одного автора Кибиров подключает умонастроение целой пушкинской эпохи.

Вся четвёртая строфа, кроме последней строчки, – цитаты из всё той же поэмы А. Блока «12»: «Он идет державным шагом,/Машет он кровавым флагом!/Запирайте этажи!/Он в шинелишке солдатской,/С физиономией дурацкой...». Русскому богу приписываются черты революционеров, категорично отрицательные, крайне неприятные. Он кровав, жесток. С другой стороны, он – это и солдат-Ванька, предатель («Был Ванька наш, а стал солдат!»), который даже не с лицом, а с дурацкой «физиономией». И эта двойственная, но одинаково отвратительная с обеих сторон фигура отождествляется с отцом лжи, т.е. с Дьяволом. Революционеры, большевики и другие, участвующие в войне, тогда – его приспешники, исчадия ада.

Пятая строфа – новый автор, она состоит из недословных цитат из поэмы К.И. Чуковского «Тараканище»: «И не стыдно вам?/Не обидно вам?/...А малявочке поклонилися,/А козявочке покорилися!» Известна одна из интерпретаций

этого произведения, которая предполагает, что под тараканищем подразумевался Сталин. Эта интерпретация подходит и к идее Кибирова, тогда он вместе с автором поэмы упрекает русский народ, но в отличие от Чуковского – и себя вместе с ним, в том, что подчинились ничтожному гадкому человеку. Вот уж действительно русская история как «Повесть о горе-злосчастии»!

Последние две строки шестого катрена: «Насекомым – сладострастье,/Ангел – Богу предстоит!» – цитата из перевода стихотворения Шиллера «Ода к радости». Перевод Ф. Тютчева. Также подключается и роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», где Митя Карамазов, цитируя, опять же, Шиллера, говорит о себе как об этом самом сладострастном насекомом. Люди, как насекомые живущие лишь в поиске удовольствий и барахтании в грязи, знают лишь сладострастье, ангелы же видят Бога (с большой буквы). Это и перекличка с цитатой из Чуковского, и намёк на то, что если мы выйдем из «насекомьего» состояния, вернём свой человеческий (а значит Божий) образ, то сможем вновь вернуться к Богу, увидеть его.

Седьмой катрен начинается цитатой из О. Мандельштама, стихотворения «Жизнь упала, как зарница...», которая рисует нам светлый образ ангела: «Ангел в светлой паутине/В золотой стоит овчине», - в противоположность образу русского бога: кровавому, с «физиономией дурацкой». И далее просьба заступиться за нас перед Богом, обращённая к шестикрылому серафиму (сразу вспоминается пушкинский «Пророк»): «Шестикрылый серафим,/Заступись за нас пред Ним!». И восьмая строфа «посвящена» А.С. Пушкину. За шестикрылым серафимом следом идёт современник великого поэта – Саровский Серафим, почитаемый русский святой, канонизированный только в начале двадцатого века. И последняя строка («Не убитую, живую») – из стихотворения «Два ворона», где убитого богатыря жена ждёт дома «не убитого, живого». Только у Пушкина богатырь (символ сильного русского народа) погиб, а Кибиров уверен, что Русь ещё жива, не добились её большевики.

Последняя строфа снова открывается цитатой из Тютчева, из «Эти бедные селенья...»: «Злой иноплеменный взгляд» у Кибирова, «Гордый взгляд иноплеменный» - у Тютчева. Но у Кибирова это взгляд не извне на Россию, а взгляд самого автора (он же не русский по национальности), но он хотел бы его изменить. Разглядеть бы только, что там впереди! И лирический герой всматривается во тьму вместе с персонажами стихотворения Пушкина «Бесы»: «Что там в поле?». Это подключает более широкий литературный контекст, где бесами являются революционеры, большевики: роман «Бесы» Ф.М. Достоевского и опять же поэма А. Блока «12». И вновь защиты от революционной бесовщины лирический герой просит у Света, Добра, т.е. у Богородицы: «Мать Божья, помоги!». В одиночку с мировым злом не совладать, слишком слаб человек, слишком он маленький и незащищённый, и ему нужен Родитель (Отец или Мать, с большой буквы), который бы наставлял и защищал его.

Что же у нас получилось? Из нитей творчества разных поэтов Тимур Кибиров соткал единое полотно одного философского взгляда на историю России, одного отношения к произошедшему. Пётр Первый словно сместил Христа в России, поставив над ней русского бога, бога нищеты и несправедливости,

большевики пошли ещё дальше, следуя его примеру; но Русь ещё жива и спасение её в возвращении к православию, в возвращении к истинному Богу. Исходя из полученных результатов, можно предположить, что центон в данном случае представляет собой форму выражения православной соборности. С.С. Хоружий так говорит об идее соборности у славянофила А.С. Хомякова: «Соборность есть определенный принцип собирания множества в единство — принцип связи, принцип соединения». При этом это не механическое соединение отдельных частей, это нечто большее, более крепкое, но в то же время – свободное. Множество во всём его многообразии, и при этом связанное воедино. Что мы и видим в данном стихотворении: «речи» самых разных поэтов (с разными судьбами, характерами) сливаются, оказываются едины в своём философском взгляде на историю России. Отметим здесь также и связь соборности с названием сборника: «Греко- и римско-кафолические песенки и потешки». Соборность - понятие богословское, и оно синонимично «термину «кафолический» и соответствует греческому *katholikos*, происходящему, в свою очередь, от выражения *kat'holou*, «по всему или по единству всех» (Хомяков) и означающему «всеобщий».[1] Это ещё раз подчёркивает особый характер православного единства.

Касательно формы скажем ещё, что подобно писались средневековые произведения на Руси, когда автор был анонимным, потому что не отделял себя от русского народа, не считал своё мнение индивидуальным, исключительным, личным, он выражал мнение, общее для всех православных. В эпоху постмодернизма подобную позицию хорошо иллюстрирует форма центона, когда личная воля автора проявляется только в выборе чужих слов и иногда высказывании своих, современным языком, соединяя тем самым прошлое и настоящее, голоса авторов 19-го, 20-го и 21-го веков, а через форму – и более раннего времени.

Но есть и ещё один момент. Кибиров не просто берёт цитаты из Тютчева и Блока, он переосмысляет их и полемизирует с ними. Поэтому соборность его не в полной мере, данный центон лишь приближается к ней.

Подводя итог, заключаем, что русский постмодернизм (в данном случае в лице Тимура Кибирова) через форму центона приобщается к духовной жизни предшествовавших веков и возвращается к исконной вере Руси, к Православию, надеясь обрести в нём спасение от того хаоса жизни, что уже пережит и переживается до сих пор.

Библиографический список

1. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб, 1994.